

Валентина Эйкорт Имярек

Валентина Эйкорн
Имярек

«Автор»

2026

Эйкорн В.

Имярек / В. Эйкорн — «Автор», 2026

Григорий жил, как умел — пил и работал. Но вот в его жизни появляется загадочная Лариса. И жизнь меняется, наполняется смыслом, понять который оказывается не так-то просто.

© Эйкорн В., 2026

© Автор, 2026

Валентина Эйкорн

Имярек

I

Григорий не заметил, как прошли четыре года — он много работал и пил. Но вот сегодня рано утром приехала Лариса и утверждает, что прошло уже четыре года, а толку ноль. Если это действительно так, то очень жаль. Потерянные в сущности четыре года, при том, что неизвестно, сколько их вообще. С другой стороны, он делал всё что мог: пил и работал. Лариса же, очевидно, хотела большего. Но ему было куда интереснее, что она могла. Прежде всего он опасался, что она может испортить ему жизнь. И было очень похоже на то.

Первым делом она нашла его слабое место. У него было ещё одно, но и его она наверняка скоро обнаружит, каким бы оно ни было укромным. Лариса была женщиной проницательной, уже к вечеру она видела его насквозь. А ведь как раз по вечерам Геннадий был особенно невзрачен, особенно в душе.

Вернуть прежний покой уже нельзя, Григорий это понимал, оставалось только всеми правдами и неправдами избегать контакта, хотя бы тесного. Поэтому Геннадий всё чаще уходил в себя. Больше в его квартирке было некуда, поскольку туалет почти всегда был занят Ларисой, которая за чем-то с утра до вечера мыла там стульчак. В перерывах она готовила, много и плохо. И что бы она ни делала, она при этом пела. Песни разные: и народные, и популярные, и не очень, но всегда печальные, что Геннадия не могло не угнетать.

Пить он не бросил. Никогда бы. Но если раньше он пил не без удовольствия, по крайней мере без стыда, то теперь он не то, чтобы смотрел на себя со стороны, не то, чтобы её глазами, но иногда ловил на себе её взгляд, укоризненный и печальный. Однажды он даже предложил ей присоединиться и выпить с ним на брудершафт, на что она сказала: «Нет, спасибо» и пошла мыть стульчак. Из туалета доносилось исполненное грусти «я несла свою беду». Слух у Ларисы кое-какой был, но не идеальный.

По ночам, слушая неравномерный храп Ларисы, Григорий думал о том, сколько же ещё лет, интересно всё-таки, у него осталось. А сколько у неё. И кому из них при каком раскладе можно сказать, что больше повезёт.

II

Лариса вставала рано, с рассветом, и готовила Григорию обильный и невкусный завтрак. Особенно ей не удавались сырники и омлет. Сегодня был омлет, скользкий, рыхлый. Григорий ел и думал, что хорошо бы вечером после работы куда-нибудь зайти и если не остаться там, то хотя бы задержаться.

Добраться до работы можно было либо пешком через парк, либо на трамвае. Обычно Григорий выбирал трамвай, но сегодня светило солнце, цвела сирень, и он пошёл пешком. Да. Уже четыре, получается, года он работает в институте, а всё обычный инженер. Пора бы задуматься о повышении, давно, но не сейчас — время не подходящее, в такое лучше не отвлекаться. Это Григорий умел.

Кусты сирени, цветущие там, куда не доставала рука человека, обрамляли песчаную дорожку, по которой шёл Геннадий, и обволакивали его пряным ароматом. Шальная мысль сорвать на обратном пути пару-тройку, лучше пару, веточек и преподнести Ларисе мелькнула в голове и заставила Григория усмехнуться. Чушь какая. Хотя, было бы любопытно посмотреть на её реакцию. Но нет, конечно, оно того отнюдь не стоит. Однако на обеде нелепая мысль снова пришла Григорию в голову, и на этот раз выглядела тоже по-дурацки, но уже не так. Позднее, вечером, она пыталась прийти опять, когда Григорий уже сидел в питейном заведении у барной стойки, но на этот раз он её решительно отогнал. Вот же навязчивая ересь.

Домой он вернулся за полночь, с поникшей веточкой сирени и надеждой, что Лариса спит. Она действительно спала, по крайней мере храпела. Без одеяла, в блузке, с телефоном в руке. Очевидно, что ждала. Зачем? Зачем она вообще здесь? Можно ли было не открывать? Геннадий положил сирень на кухонный стол и лёг спать на свой диванчик. По-хорошему, здесь всё было его, но на кровати уже как неделю спала она. Не ложится же рядом, в самом деле.

— Что же вы цветок оставили без воды? — спросила Лариса Григория, протягивая ему тарелку студенистой комковатой каши.

Григорий было удивился, но тут же вспомнил свой нетрезвый поступок и почувствовал себя идиотом. Слово-то какое пошлое подобрала: «цветок».

— Забыл.

— Думаю, оклемается.

— Всё равно потом сдохнет.

— Все сдохнем, — сказала Лариса и села напротив Григория.

Весьма странно. Она никогда не садилась вместе с ним за стол. Григорий жевал кашу, которая на проверку была ещё и пресной, и чувствовал неловкость, смущение, замешательство.

— Надо бы в ванной полочку повесить, — сказала, наконец, Лариса.

— Повешу, если надо, — ответил Григорий и заткнул себе рот большим куском овсяной каши.

Сегодня на трамвае. Никаких больше парков. Надо же, вот дурак. В трамвае были духота, много народу и какое-то странное дело. Уже ко второй остановке Григорий заметил, что на него пялятся подозрительный тип. Вызывающе пялятся, не таясь. Несмотря на жару, тип был одет в драповый костюм, причём не просто зелёного, а истошно зелёного цвета. Ещё страннее было у него лицо. Гипертрофированное, если можно так сказать. Чрезмерное лицо с преувеличенными чертами и чрезвычайно выразительной мимикой, которая выражала так много всего сразу, что ничего конкретного нельзя было сказать.

Мало оказалось того, что тип продолжал пялиться все четыре остановки. Он вышел вместе с Григорием и теперь шёл за ним следом. «Что за ерунда» — подумал Григорий. Но впереди, на пересечении с проспектом Энтузиастов, его ждала еще большая ерунда — женщина в таком же вопиющем костюме. И тоже с гипертрофированным лицом. Григорий остановился, бегал он плохо. Женщина и тип подошли одновременно.

— Григорий Афанасьевич? — спросил тип голосом глубоким и проникновенным, точь-в-точь как у Радамеса из «Аиды», чего Григорий, впрочем, знать не знал.

— Что, если так?

— Пройдёмте.

— Куда? Зачем? Кто вы такие?

— В тень. За правильным толкованием ситуации. Мы соглядатаи, — последовательно ответил тип и мельком предъявил что-то прямоугольное, вероятно, удостоверение.

— Кто? Почему я? Что происходит?

— Мы друзья, — нежным, вкрадчивым, успокаивающим тоном произнесла женщина и сложила все черты своего гротескного лица в улыбку. — Вы всё поймёте правильно, не переживайте и не рыпайтесь.

— Я не могу, опаздываю на работу,

— Ничего страшного, в лес не убежит.

— Послушайте...

— На это нет времени. Как-нибудь в другой раз. Сейчас слушать будете Вы. Это в Ваших интересах. Идите за нами.

Они прошли во двор и там, под сенью сгорбленной плакучей ивы, сели на скамейку.

— Как поживаете, Григорий Афанасьевич?

— Как все, нормально.

- Ничто не беспокоит?
- Обстановка в мире беспокоит, грыжа межпозвонковая, но вас то это как...
- Больше ничего? В последнюю неделю не замечаете какого-нибудь дискомфорта?
- Вы про Ларису?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.